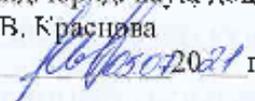

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра гражданского права и процесса

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ В ТЭК
Заведующий кафедрой
канд. юрид. наук, доцент
Т.В. Краснова

 2021 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистерская диссертация

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ
В КОНТЕКСТЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ
И ИСКЛЮЧЕНИЯ УЧАСТИКА ОБЩЕСТВА.**

40.04.01 Юриспруденция (уровень магистратуры)
Магистерская программа «Магистр частного права»

Выполнил работу
Студент 2 курса
Очной формы обучения

Бичарев Николай Сергеевич

Научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент

Романчук Сергей Владимирович

Рецензент
канд. юрид. наук,
судья Арбитражного суда
Западно-Сибирского округа

Хлебников Александр Викторович

Тюмень

2021 год

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О СУЩНОСТИ И ЗАЩИТЕ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ.

§1 Понятие и правовая природа корпоративных прав.

§2 Сущность и отличительные особенности права на защиту корпоративных прав.

ГЛАВА 2. ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ

§1 Правовая природа корпоративного контроля.

§2 Восстановления корпоративного контроля в системе способов защиты гражданских прав.

§3 Институт справедливой компенсации, в рамках восстановления корпоративного контроля.

ГЛАВА 3. ИСКЛЮЧЕНИЕ УЧАСТНИКА ОБЩЕСТВА

§1 Назначение и содержание исключения участника общества.

§2 Основания исключения участника общества.

§3 Выплата действительной стоимости доли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время гражданское законодательство Российской Федерации находится в стадии его активного реформирования, фактически реализуются положения Концепции гражданского законодательства Российской Федерации от 2009 года, многие части которой уже интегрированы в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее - ГК РФ) [2.14]. Корпоративное законодательство также было реформировано и включено в состав гражданского законодательства в виде поправок в ГК РФ от 30.12.2012, однако интеграция корпоративного права в гражданское законодательство не завершилась.

Актуальность темы исследования подтверждается извечностью проблематики выбора эффективного способа защиты права, новизной положения корпоративного права как части гражданского права и следующими из этого проблемами бессистемности и противоречивости норм. Защита корпоративных прав выступает наиболее ценным институтом корпоративного законодательства, вместе с тем, специальные способы защиты отличаются недостаточным правовым регулированием, в частности, отсутствием легального определения термина «корпоративный контроль», существованием проблемы определения правовой природы восстановления корпоративного контроля, в контексте способов защиты гражданских прав и его назначения применительно к возникающим на практике корпоративным спорам, а также отсутствия четкого механизма применения, нормы о восстановлении корпоративного контроля при всей своей перспективности, в силу недостатков законодательства действуют недостаточно эффективно.

В свою очередь неясным остается положение исключения участника из состава общества, вопрос о том, относится ли данная категория к способам защиты права, мерам гражданско-правовой ответственности или является частным случаем мер оперативного воздействия остается открытым. Помимо прочего, в современном законодательстве или научной доктрине не выработан

четкий круг субъектов, имеющих право требовать восстановления корпоративного контроля или исключения участника из общества, что порождает разобщенность судебной практики по этому вопросу, не позволяет правоприменителям установить ориентиры для обоснованности или необоснованности таких требований. Все это в совокупности создает препятствия для использования исследуемых категорий в правоприменительной деятельности, а случаи их применения становятся не формированием единой практики, но усугублением уже существующей ситуации правовой неопределенности. Такое положение вещей является недопустимым, не позволяет реализовать основополагающие начала и принципы гражданского законодательства, осуществить эффективную, оперативную и всестороннюю защиту корпоративных прав.

Объектом исследования является совокупность общественных отношений, возникающих в сфере осуществления и защиты корпоративных прав, в частности отношений, вытекающих из восстановления корпоративного контроля, исключения участника из общества.

Предмет исследования – научные работы ученых–цивилистов, нормы гражданского и корпоративного законодательства, правоприменительная практика в сфере осуществления и защиты корпоративных прав.

Цель исследования – провести исследование института защиты корпоративных прав в рамках гражданского законодательства, выработать рекомендации по совершенствованию современного гражданского и корпоративного права и пути решения выявленных теоретически проблем.

Для реализации вышеуказанной цели определены следующие задачи:

– установить правовую природу корпоративных прав, а также их место в системе гражданского законодательства; – рассмотреть отличительные особенности права на защиту корпоративных прав;

– исследовать правовую природу рассматриваемых институтов;

- выявить правовые и теоретические проблемы, связанные с применением рассматриваемых способов защиты;
- определить направления развития для рассматриваемых институтов.

В представленной научной работе используются общенаучные методы исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, аналогия, а также специально–юридические методы исследования: системно–структурный, формально–юридический, сравнительно–правовой.

Теоретической основой исследования выступили труды ученых–юристов таких как: Е.А. Суханов, О.А. Красавчиков, И.С. Шиткина, С.Ю. Филиппова, С.А. Сеницын, Б.М. Гонгало и некоторые другие.

Нормативно – правовой основой исследования выступили положения Гражданского кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Федерального закона «Об акционерных обществах», Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Эмпирической основой исследования выступили постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации, постановления Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации, отдельные судебные акты арбитражных судов и судов общей юрисдикции Российской Федерации.

Научная новизна исследования выражается, в поднятии вопроса о том, является ли сейчас восстановление корпоративного контроля способом защиты права, либо же на современном этапе развития корпоративного законодательства представляет из себя принцип гражданского права и цель защиты нарушенных прав, предложении дополнения и расширения понятийного аппарата ГК РФ как уже сформированными в научной деятельности и судебной практике терминами, так и качественно новыми правовыми категориями, установлении правовой природы исключения участника из общества, определении этапов и процедуры как исключения

участника из общества так и восстановления корпоративного контроля в части использования механизма справедливой компенсации.

Положения, выносимые на защиту.

1. Корпоративное законодательство нуждается в формировании общих положений и единого терминологического аппарата в соответствии и по образцу пандектного устройства Гражданского кодекса Российской Федерации.

2. Целесообразным выступает формирование отдельного положения Гражданского кодекса Российской Федерации с включением туда способов защиты корпоративных прав, в том числе восстановление корпоративного контроля и исключение участника из общества.

3. Необходимо включение специальных положений о добросовестности применительно к корпоративным правоотношениям с указанием на составляющие части такой обязанности, как для участников, так и для единого исполнительного органа общества.

4. Применение восстановления корпоративного контроля не должно носить сплошной характер, а имеет место при совокупности следующих обстоятельств: лишение доли помимо воли участника, наличие цели восстановить возможность принятия управленческих решений, характер нарушения права требует комплексного подхода или перераспределения долей участия.

5. Правовая природа исключения участника является двойкой, с одной стороны представляет способ защиты прав, с другой – меру ответственности, что влечет особые условия его применения.

6. Исключение участника должно применяться лишь в случаях, когда иная защита права невозможна, устранимость последствий нарушения права препятствует исключению нарушителя, вместе с тем размер доли участия не влияет на возможность исключения нарушителя.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре гражданского права и процесса института государства и права Тюменского государственного университета. Основные положения и результаты исследования нашли свое отражение в опубликованных научных статьях на тему: «Правовая природа восстановления корпоративного контроля» (опубликовано «Гражданское право и процесс: проблемы правоприменения» (2020) доступ по ссылке: <https://conf.siblu.ru/pravovaya-priroda-vosstanovleniya-korporativnogo-kontrolya>); на тему «Правовая природа исключения участника из общества» (опубликовано «Вестник магистратуры». 2021. № 4 (115)).

Структура работы соответствует поставленной цели и задачам, состоит из списка сокращений, введения, трех глав, включающих в себя восемь параграфов, – первая из которых посвящена определению сущности и места корпоративного правоотношения в системе гражданских прав; вторая глава посвящена исследованию института восстановления корпоративного контроля, третья глава – представляет собой исследование теоретических и практических проблем, связанных с исключением участника общества.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О СУЩНОСТИ И ЗАЩИТЕ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ

Понятие и правовая природа корпоративных прав.

Право в объективном смысле представляет из себя совокупность юридических норм, регулирующих деятельность субъектов и отношения, возникающие между ними в процессе осуществления этой деятельности [2.33, с.120]. В субъективном смысле право представляет собой меру возможного поведения, также, под правом зачастую понимают существующую систему законодательства, регулиующую те или иные общественные отношения. Наравне с вышеизложенными трактовками, право понимают и как юридическую науку, а также учебную дисциплину.

Корпоративные отношения это один из многих видов общественных отношений, которые регулируются гражданским законодательством, об этом свидетельствуют положения статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). При этом такие отношения подразделяются на отношения, связанные с участием в корпоративной организации и на отношения, связанные с управлением в корпоративной организации. Включение корпоративных отношений в состав регулируемых гражданским законодательством произошло относительно недавно, в связи с чем место данных правоотношений в системе гражданского законодательства представляется неопределенным. В частности, согласно части 1, статьи 2 ГК РФ корпоративные правоотношения — это правоотношения, связанные с участием в корпоративных организациях и управлением ими, однако, положение специального законодательства, а именно части 1, статьи 2 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон № 208-ФЗ) определяет права акционеров по отношению к обществу как обязательственные права. Такое противоречие отражает неопределенность, существующую в научных кругах и указывает на то, что понимание категории корпоративных прав является спорным в настоящий

момент времени. На наш взгляд нельзя признать существующее в настоящее время положение корпоративного права устойчивым и определенным.

Указание на два права: право участия и право управления не коррелирует с пониманием корпоративного права через совокупность четырех общепринятых прав, критерии участия указывает лишь на формально возникшую связь между участниками и обществом, что, не умаляя важности такой категории прав, вместе с тем никак не охватывает права на получение дохода или на получение информации. Право на управление признается рядом ученых центральным правом в системе корпоративных прав, однако не следует считать, что данное право является всепоглощающим, корпоративные отношения, как указывается Сухановым Е.А., имеют тесную взаимосвязь с имущественными правами, а интересы акционеров не ограничиваются лишь управлением ради управления, в то же время и сам характер управления нельзя считать всецело имущественным и уравнивать с ним. Категория деловой репутации в гражданском законодательстве косвенно преследует имущественный интерес, обеспечить эффективность предпринимательской деятельности, вместе с тем наука относит право на деловую репутацию в категорию неимущественных прав, таким образом, проводя аналогию между правом на управление в корпоративном праве и институтом деловой репутации, автор приходит к выводу о недопустимости поглощения правом на управление иных прав таких как право на информацию и право на доходы, лишь с той мыслью что управление осуществляется с косвенным имущественным интересом.

Определяя место корпоративных правоотношений следует учитывать их правовую природу, для корпоративного правоотношения характерно наличие управленческого аспекта, который хоть и отличается от одноименного аспекта в публичных отношениях, все же не характерен для гражданского законодательства в полной мере. Гражданское законодательство базируется на основах диспозитивности и свободы воли, а также равенства сторон

в правоотношении. Однако для корпоративных отношений такие принципы не всегда актуальны в полной мере, к примеру, в процессе принятия корпоративного решения происходит не согласование воли всех участников общества, а скорее навязывание воли собственников большинства голосующих акций, всем остальным акционерам [2.29]. Помимо этого, стоит обратить внимание на тот факт, что процесс регистрации общества, смены его организационной формы либо ликвидации, а также еще ряд процедур подчинены строгому порядку и не носят гражданско-правового характера. Такое положение вещей усложняет однозначную классификацию корпоративных отношений.

Рассматривая данную проблему, научное сообщество отталкивается прежде всего от существующей классификации гражданско-правовых отношений. Как известно, в сферу гражданских правоотношений включаются имущественные, а также личные неимущественные правоотношения, связанные, либо не связанные с имущественными. Имущественные отношения юридически оформляются как вещные отношения, для которых характерен имущественный и абсолютный характер, вместе с тем такой способ оформления юридических отношений не является единственным возможным, Суханов Е.А. указывает, что имущественные правоотношения могут быть выражены посредством корпоративных отношений [2.26]. Им же делается вывод о том, что в состав имущественных отношений включаются три группы отношений: отношения связанные с переходом имущества, отношения, связанные с управлением имуществом, отношения связанные с принадлежностью имущества. Соответственно им выделяются три способа оформления таких отношений, вещное право – для материальных объектов (благ), исключительные права – для ряда нематериальных объектов, а также, корпоративные права как способ оформления отношений, связанных с управлением имуществом. Такая позиция обуславливается трансформацией отношений членства в отношения имущественного участия, при котором

между участниками общества отсутствуют какие-либо отношения, а корпоративные правоотношения возникают лишь между отдельно взятым участником и обществом.

Неимущественные отношения по одной из предложенных классификации принято разделять на связанные имущественными (интеллектуальные права) и не связанными с ними (нематериальные блага). Красавчиков О.А. выделяет третью группу неимущественных отношений – организационные отношения, для которых характерен упорядочивающий и управленческий характер и указывает что право на участие является основным правом относительно иных составляющих категорию «корпоративные права». Ввиду такого, что такое право носит явный организационный характер, Красавчиков О.А. соответственно относит корпоративные правоотношения к категории неимущественных правоотношений. Такая позиция критикуется Сеницыным С.А., который указывает, что однозначное отнесение корпоративных правоотношений к категории неимущественных правоотношений не позволяет применять нормы и принципы материальных правоотношений, что, по его мнению, не является обоснованным [2.25].

Существует и менее распространенная позиция о том, что корпоративные отношения являются разновидностью обязательственных (договорных) правоотношений, рассматривая данную теорию Суханов Е.А. отмечает, что такой подход не соответствует российской правовой действительности, ведет к необоснованной либерализации и диспозитивности содержания корпоративного регулирования, при этом отрицает главную цель корпоративного права - защиту прав миноритарием и кредиторов-третьих лиц, а также фактически нивелирует самостоятельность корпоративного права, всецело соединяя его с договорным [2.27].

Наравне с вышеуказанными подходами существует и компромиссная точка зрения, так Гонгалло Б.М. полагает, что корпоративные правоотношения

являются собирательными по своей природе и частично относятся как к имущественным правоотношениям, так и к организационным правоотношениям. Фактически такая же позиция изложена и в Концепции развития гражданского законодательства, которая не только разделяет корпоративное правоотношение, но и указывает на необходимость субсидированного применения норм вещного и обязательственного права, а также подчеркивает особое место корпоративных правоотношений в системе гражданского законодательства.

По мнению автора, правильным является отнесение корпоративных прав к категории неимущественных - организационных правоотношений при этом, не ограничиваясь лишь применением в отношении них норм вещного и обязательственного прав в части не урегулированной специальными корпоративными нормами.

Отдельное внимание следует обратить на субъективное толкование корпоративного права. В корпоративных правоотношениях присутствуют ряд субъектов каждый из которых наделен определенной совокупностью корпоративных прав и обязанностей, такими субъектами являются участники, управляющие органы юридического лица, а также и само юридическое лицо. Зачастую под корпоративными правами в субъективном смысле понимаются права участников, как непосредственно, так и напрямую связанные с управлением и участием, которые в свою очередь нуждаются в защите от посягательств других лиц. Такая позиция, в частности, излагается в Концепции развития гражданского законодательства, которая связывает корпоративные права с наличием права участия в организации.

Термин «корпоративные права» является, по своей сути, собирательной категорией, включающей в себя совокупность прав, так согласно части 1, статьи 8 Федерального закона от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон № 14-ФЗ) выделяются следующие права участников: право на управление, право на ликвидационный

остаток, право на информацию, право на прибыль общества, право распоряжаться долей в уставном капитале. Фактически, тот же список прав мы наблюдаем в положениях Закона № 208-ФЗ, с одним лишь отличием, что указанный федеральный закон предполагает разделение акционеров на две категории, одна из которых не имеет права на управление. Без учета разделения юридических лиц на коммерческие и некоммерческие, можно резюмировать, что вышеуказанный набор прав является тем, что понимается под корпоративными правами в субъективном смысле.

Одним из важных изменений гражданского законодательства является введение принципа добросовестности. Принцип добросовестности предполагает, что стороны гражданских правоотношения должны учитывать взаимные права и законные интересы друг друга, оказывать взаимное содействие в достижении цели обязательства, предоставлять друг другу необходимую информацию. Данный принцип по своей сути упорядочивает гражданское законодательство и служит цели сохранения его первоначального смысла и регулятивных начал, препятствуя искажению правовых норм. В корпоративном праве подобные начала выражаются через триаду обязанностей: быть лояльным (*duty of loyalty*), быть заботливым (*duty of care*), быть добросовестным (*good faith*).

Не вдаваясь в научную дискуссию о соотношении данных обязанностей стоит кратко отразить их сущность, так лояльное поведение (как следствие реализации обязанности быть лояльным) предполагает под собой как пассивную форму - обязанность воздерживаться от действий, причиняющих или способных причинить вред обществу, так и активную – как обязанность голосовать определенным образом при принятии решения в случаях заключения корпоративного соглашения и другие. Обязанность быть заботливым представлена в гражданском законодательстве и выражается формулами «степень заботливости и осмотрительности», «принял все меры для надлежащего исполнения обязательства» (статья 401 ГК РФ) в целом это

требования о проявлении разумной внимательности и квалифицированности при выполнении юридически значимых действий. Сама по себе добросовестность существует в классической формуле, вместе с тем в научной дискуссии она нередко переходит в категории лояльности или заботливости. Отдельной проблемой выступает то, что указанные критерии поведения зачастую применяются к директорам и иным лицам обладающим исполнительно-распорядительными функциями, но никак не к участникам общества, вместе с тем, зачастую, именно наиболее активная роль в корпоративных правоотношениях принадлежит участникам общества.

С данной точки зрения стоит отметить, что действующий гражданский кодекс не содержит в себе специального определения добросовестности для корпоративных правоотношений, ограничивается общим применением указанного принципа, однако для сферы корпоративного права добросовестность может оказать наиболее значимым принципом из всех. Даже в ситуации нормального функционирования общества, поведение его участников и руководящих лиц оценивается с позиции добросовестности, в случае возникновения корпоративных конфликтов, в предмет исследования судов будет включен вопрос о том, действовали ли участники конфликта добросовестно, не были ли направлены их действия на причинения вреда обществу или другим участникам, имелась ли необходимость в тех или иных решениях, принятых управляющими органами, например, по продаже имущества. Все вышеуказанное позволяет с уверенностью утверждать, что гражданское законодательство нуждается в нормативном распространении понятия добросовестности, в частности в сфере корпоративного права необходимо указать на стандарты поведения применимые как к органам управления общества, так и к его участникам.

Помимо изложенного, необоснованным представляется отсутствие в гражданском кодексе общих положений, посвященных корпоративному законодательству, действующий ГК РФ не содержит в себе понятие

и признаки субъективного корпоративного права, а равно же и его содержания, в виде вышеуказанных прав и определенной совокупности корпоративных обязанностей, такая ситуация не способствует правовой определенности, ввиду чего должна быть изменена, включением указанных категорий в текст гражданского кодекса.

Сущность и отличительные особенности права на защиту корпоративных прав.

Право на защиту является одним из основных гражданских прав, представляет собой юридически закрепленную возможность управомоченного лица использовать предусмотренные законом правовые меры и способы с целью, защиты права и восстановления, нарушенного или оспариваемого права. Содержанием права на защиту выступает совокупность материальных и процессуальных норм, устанавливающих содержание правоохранительной нормы, основания ее применения, круг уполномоченных субъектов, а также процедуру применения и права субъектов в отношении которых применяются нормы защиты.

Право на защиту представлено способами и формами защиты права. Способы защиты права — это меры принудительного характера с помощью которых осуществляется восстановление нарушенного права либо пресечение посягательств на него. В юридической науке принято разделять способы защиты на общие и специальные. Первые представляют из себя универсальные способы защиты гражданских прав и применяются к любым гражданским правоотношениям, данные способы перечислены в статье 12 ГК РФ, перечень которых является открытым, вторые, также именуемые «корпоративными способами», существуют исключительно в корпоративных правоотношениях, зачастую регулируются нормами специального законодательства и направлены на защиту права участия в корпорации. Корпоративные способы защиты права подразделяются внутри себя на виды,

в зависимости от формы юридического лица, имущественного или неимущественного характера защищаемого права.

Под формами защиты права понимается определенная процедура или процессуальный порядок, к таковым относятся юрисдикционный порядок, выраженный в административной или судебной процедуре и неюрисдикционный порядок содержания, которого заключается в совершении определенных самостоятельных действий уполномоченным лицом без обращения к органам государственной власти.

В научной среде существуют различные точки зрения на сущность защиты гражданских прав, а, следовательно, и защиты корпоративных прав. Различия подходов зачастую выражены в том, что авторы по-разному определяют суть защиты гражданских прав, в частности, Измаилова Е.В. исследуя позиции ученых, выделяет три основные точки зрения на защиту права [2.12].

«Теория мер» характеризует защиту права как комплекс мер направленных на обеспечение неприкосновенности права, восстановления нарушенного права, признания права, пресечения противоправных действий. Вместе с тем, такой подход не учитывает наличие инициативы субъектов гражданских правоотношений, Красавчиков О.А. считает, что инициативность является особенностью гражданских правоотношений, которая предполагает правовую активность субъектов [2.16]. Действительно, простое перечисление мер, без учета воли и действий субъектов правоотношений, не достигает целей защиты нарушенного права, ввиду чего, разумно полагать, что теория мер не охватывает целиком сущность защиты гражданских прав.

Иного взгляда придерживаются сторонники теории функции. Автором «теории функций» следует считать Илларионову Т.И., которая полагает, что под защитой права следует понимать функцию права, выражающуюся в охранительном воздействии норм, имеющем целью восстановить право, компенсировать нарушенный интерес, пресечь противоправные действия,

препятствующие осуществлению права или обеспечению правопорядка [2.13]. Вместе с тем и данная теория не может полностью реализовывать себя без учета инициативы субъектов, право не способно к реализации в обход субъекта, а, следовательно, и его функции не могут быть реализованы без учета активности участников гражданского оборота.

Третья теория – «теория деятельности» берет свое начало в процессуальном законодательстве, однако вместе с тем, как справедливо замечает Михайлова Е.В., для процессуальной формы важное значение имеет сущность рассматриваемых отношений, поскольку она влияет на предмет деятельности по защите права и существенно влияет на ее специфику [2.22].

Наиболее верной, по мнению автора, является теория деятельности, учитывающая инициативность и заинтересованность субъекта при защите своего права, вместе с тем, справедливо отметить и то, что защита права не ограничивается лишь понятием деятельности. В связи с чем, содержательно, интерес представляет теория функции, которая наиболее точно отражает назначение института защиты гражданских прав и дух корпоративного законодательства. Напротив, о мерах следует рассуждать в публичных отраслях права, где инициативность субъектов не столь явно выражена, а законодательство изобилует процедурными нормами.

Цели восстановить нарушенное право или воспрепятствовать нарушению прав и законных интересов преследует не только институт защиты корпоративных прав, но и ряд других смежных институтов. Целесообразно также выделять институт охраны корпоративных прав, институт ответственности и институт оперативных санкций. Все три представленных института преследуют в той или иной мере вышеуказанные цели, однако данные институты не тождественны друг другу. Под мерами охраны корпоративных прав прежде всего понимают совокупность норм, выраженных в нормативных правовых актах, а также ряд политических, организационных и иных мер, в частности к таковым относится установление уголовной или

административной ответственности за нарушение прав, принятие типовых уставов обществ, установка квалификационных и регистрационных требований. Меры охраны принято подразделять на несколько видов: меры, создаваемые государством и направленные на поддержание правопорядка, меры, создаваемые сообществом предпринимателей, меры, создаваемые самими корпорациями, а также договорные меры. Вся совокупность вышеуказанных мер вместе с тем не тождественна мерам и способам защиты, основные различия, по мнению Шиткиной И.С. заключаются в следующем: меры охраны применяются до нарушения корпоративного права, а меры защиты соответственно после нарушения права, меры охраны носят абсолютный характер то есть адресованы неопределенному кругу лиц – меры защиты носят относительный характер, защищают от посягательств конкретно определенных лиц, меры охраны носят преимущественно неимущественный характер, в то время как меры защиты связаны с имущественным воздействием [2.33]. Сторонники альтернативной точки зрения полагают, что под защитой прав понимается лишь деятельность юрисдикционных органов направленная на восстановление нарушенного права, в науке такой подход считается более узким.

Мейер Д.И. полагал, что охрана и защита права являются синонимами и имеют одинаковое содержание [2.21]. Вместе с тем, наиболее распространенная в науке точка зрения исходит из того, что защита и охрана не тождественны друг другу. Охрана права предполагает скорее регулятивный, пассивный характер, а защита – охранительный, активный характер, выраженный в совершении ряда специальных действий. При этом защита права не ограничивается деятельностью уполномоченных государственных органов власти, напротив, защита права часто осуществляется посредством мер самозащиты либо мер оперативного воздействия.

Институт ответственности занимает особое место в корпоративном праве. Под ответственностью понимают систему мер принудительного характера, применяемых к нарушителю корпоративных прав. В отличие от мер защиты носящих преимущественно правосстановительный характер, меры ответственности применяются лишь при наличии противоправности в действиях нарушителя. Для применения мер ответственности необходимо наличие состава гражданского правонарушения, а именно противоправного действия, вины нарушителя, последствий, связи между действиями нарушителя и наступившими неблагоприятными последствиями. Меры ответственности включаются в совокупность мер защиты права, однако меры защиты не исчерпываются ими [2.29].

Меры оперативного воздействия — это правовая категория, сформировавшаяся в теории, законодатель не оперирует таким термином, что, впрочем, не умаляет их значимости. Меры оперативного воздействия отличаются прежде всего тем что, носят неюрисдикционный характер, то есть предполагают совершение лицом, чье право нарушено, самостоятельных действий по его защите, посредством предъявления требований к обязанному лицу при корреспондирующей обязанности исполнить такое требование.

По убеждению Власовой А.С., меры оперативного воздействия имеют явно выраженную договорную природу и отличаются от самозащиты права, так как при самозащите лицо совершает односторонние действия и не ждет исполнения встречной обязанности [2.6]. Говоря же о соотношении мер оперативного воздействия и мер защиты стоит отметить что меры защиты фактически включают в себя меры оперативного воздействия, а равно и затронутую категорию самозащиты права, совокупность этих двух подинститутов образует неюрисдикционные формы защиты права.

Вместе с тем все указываемые институты так или иначе преследуют цель пресечь или устранить последствия нарушения гражданских прав. Однако, несмотря на общую цель, эти меры используют во многом различные средства

и предполагают по собой разную юридическую составляющую, требуя привлечения к ответственности необходимо обосновать наличие состава правонарушения, применяя меры оперативного воздействия есть необходимость отметить на их согласование в договоре, а для каждого из способов защиты существуют собственные нормы, уточняющие их действие, а кроме того и проблема конкуренции способов защиты. При всем этом отсутствие понимания правовой природы применяемого института воспрепятствует лицу чье право нарушено в восстановлении такого права либо же при формальной защите права не позволит достичь действительной цели защиты. Риск не получить ничего или получить вовсе не то, что предполагалось представляется значительным для участника гражданского оборота, в особенности в сфере корпоративных прав предполагающей предпринимательский характер правоотношений и, следовательно, повышенные риски и требования к деятельности такого рода.

На данный момент времени, структура ГК РФ не может в полной мере отвечать критерию эффективности описываемых институтов. Существующие институты восстановления нарушенных прав не имеют четкой систематизации и структуры в рамках гражданского законодательства, а интеграция корпоративного права лишь усугубила эту ситуация, введя в ГК РФ нормы, посвященные специальным корпоративным способам защиты права. В целях упорядочения норм законодательства и во избежание структурной неопределенности предлагается ввести в ГК РФ структурированный состав способов защиты нарушенных субъективных корпоративных прав, который может быть включен в статью 12 ГК РФ либо выделен в отдельную статью 12.1 ГК РФ, рационально это и по той причине, что специальное законодательство ориентировано, главным образом, на отдельные виды юридических лиц.

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что процесс объединения гражданского и корпоративного права в данный момент находится на его

ранней стадии и нуждается в определенных корректировках в целях его скорого и успешного завершения. Так, прежде всего законодателю следует обратить свое внимание на включение в текст ГК РФ норм посвященных понятию и содержанию субъективного корпоративного права, привести текст ГК РФ в соответствие с уже сложившимся правильным направлением судебной практики, а именно включить в состав ГК РФ специальные нормы посвященные добросовестности участников корпоративных правоотношений и предъявляемых к требованиям к их поведению, включить указанный кодекс структурированный перечень способов защиты корпоративных прав. Все вышеизложенное позволит создать эффективных фундамент для дальнейшее правоприменительной деятельности, а также разрешит уже существующие ситуации неопределенности, позволить судебным инстанциям и участникам правоотношений активнее обращаться к принципам права.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ

Правовая природа корпоративного контроля.

Вопрос о правовой природе восстановления корпоративного контроля поднимался неоднократно, что для института, возникшего из судебной практики в целом то является нормой. При различии в правовом регулировании и принципах реализации различных правовых институтов неудивительно что и научное сообщество, и практикующие юристы стремятся к определению точного содержания и природы такого института. Так прежде всего необходимо определить, что понимается под корпоративным контролем и каково его содержание.

На данный момент в нормативных правовых актах отсутствует определение корпоративного контроля. Представленная категория не обладает исключительно правовой составляющей, однако для целей настоящей работы нас интересует именно она. Изначально понятие корпоративного контроля было заимствовано из законодательства стран англо-саксонской правовой семьи, согласно которому, корпоративный контроль — это положение которое участник занимает в составе общества и полномочий следующие из этого. В таких отношениях участник несет фидуциарные обязанности сходные с обязанностями органов управления корпорации. Составляющими корпоративного контроля в свою очередь выступают: объект (корпорация), субъект (участник), содержание (управление имуществом корпорации), свойства (фидуциарные обязанности и корреспондирующие правомочия участника), обстоятельства возникновения корпоративного контроля (необходимость осуществления управления корпорацией). Таким образом, данная позиция приравнивает корпоративный контроль к экономической власти, возможности принятия управленческих решений.

Управленческие решения в хозяйственных обществах принимаются непосредственно его участниками в составе общего собрания и исполнительными органами общества в соответствии с их компетенцией.

Следовательно, в первую очередь корпоративный контроль включает право распоряжаться имеющимися у акционера голосами на общем собрании акционеров в количестве и пропорции, соответствующей его доле участия в обществе. Однако следует ли придавать отдельное значение участию акционера в формировании исполнительных органов общества?

В американской правовой мысли одним из главных проявлений корпоративного контроля является возможность выдвигать кандидатуры в совет директоров и участвовать в соответствующем голосовании, тем самым формируя коллегиальный исполнительный орган корпорации. А корпоративный контроль заключается в возможности формировать совет директоров. Это относится не к внеправовому контролю руководящих органов над корпорацией и не к характерному для британских и американских компаний середины и конца двадцатого века менеджериализму, вызванному распыленностью акций среди участников общества и пассивностью большинства из них, а к той ситуации, когда акционеры управляют делами корпорации и ее исполнительные органы определяют предпринимательскую стратегию в рамках, предоставленных им законом полномочий.

В российской правовой системе демонстрируется похожее понимание исследуемой категории, в определении от 7 апреля 2017 г. Верховного Суда Российской Федерации по делу № 309-ЭС14-923 указывается, что основой корпоративного контроля являются «права, связанные с собственностью на доли, в частности, право избирать уполномоченные органы управления и осуществлять властно-распорядительные полномочия в отношении подконтрольного хозяйствующего субъекта». При этом для российского права характерно связывать наличие возможности избирать органы управления с наличием определенной пороговой доли участия в обществе. Так пунктом 2 статьи 53 Закона № 208-ФЗ установлено пороговое значение в 2% голосующих акций, при наличии которых у акционера или группы акционеров возникает право на выдвижение кандидатов в органы управления общества. Вне всяких

сомнений, возможность участвовать в формировании органов управления является одним из наиболее важных прав акционера и позволяет ему фактически продвигать через «представителя» свои взгляды на управление обществом и его дальнейшими перспективами, в то же время, судебная практика зачастую указывает причиной утраты корпоративного контроля – изменения в составе исполнительных органов общества.

Другая распространенная теория корпоративного контроля - теория «корпоративного актива», то есть актива, принадлежащего корпорации наравне с иными видами имущества. Так, данная теория предполагает, что корпоративный контроль является самостоятельным видом имущества, в силу того, что рыночная стоимость пакета акций, наделяющего владельца значительными правомочиями в отношении общества, будет превышать суммированную стоимость миноритарных пакетов таких же акций, из чего сделан вывод о том, что сам по себе корпоративный контроль имеет ценность. Этот «корпоративный актив» по существу представляет собой деловые возможности корпорации и потому принадлежит ей. Данная теория распространена в практике иностранных судов, которые указывают на необходимость исследования и доказывания, наравне с прочими обстоятельствами дела, стоимости передаваемых правомочий в сделке по купле-продаже контрольного пакета акций.

Вместе с тем критики данной теории обоснованно отмечают, что само по себе изменение стоимости не свидетельствует о том, что корпоративный контроль является самостоятельным объектом гражданского оборота в понимании статьями 128, 129 ГК РФ, в связи с чем такое понимание рассматриваемой категории нехарактерно для российского законодательства.

Продолжая рассуждения о корпоративном контроле как экономической власти акционера, стоит ответить на вопрос, имеют ли корпоративный контроль миноритарные акционеры или же напротив корпоративный контроль характерен для доминирующего участника? Имеет ли место корпоративный

контроль, когда существует лишь вероятность избрания, предложенного миноритарным акционером кандидата в состав органов управления?

Позиция Кулагина М.И. во многом отражает зарубежную доктрину корпоративного контроля, в частности им отмечается корпоративным контролем обладают лица способные избирать исполнительные органы общества, из такой позиции следует, что сама по себе возможность номинировать кандидатов на роль директора не наделяет субъект корпоративным контролем над обществом.

Иной позиции придерживается российская судебная практика, Верховный Суд Российской Федерации в определениях от 28.11.2017 № 305-ЭС17-17897, от 24.05.2018 № 302-ЭС17-17038; Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в определениях от 19.07.2012 № ВАС-6936/12, от 03.10.2012 № ВАС-8989/12, а также Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 21.02.2014 № 3-П, неоднократно отмечали, что определено степенью корпоративного контроля обладает каждый из участников общества. Во много такое понимание продиктовано необходимостью формирования эффективной правоприменительной практики восстановления корпоративного контроля, которая направлена на равную защиту прав миноритарных и мажоритарных акционеров.

Вместе не имея возможности игнорировать различия в объеме корпоративного контроля, российская правовая наука и судебная практика пришли к введению категории «преобладающего корпоративного контроля», как возможности предопределять управленческие решения и получать из этого выгоды. Данная точка зрения, в контексте российской правовой действительности представляется наиболее верной, учитывающей как существующее экономическое неравенство субъектов корпоративных отношений, так и стремление правовой науки к обеспечению равных возможностей для защиты нарушенных прав.

Так как корпоративный контроль может быть различным, по своей степени влияние на принятие управленческих решений и формирование исполнительных органов общества, возникает вопрос об источниках корпоративного контроля.

Из положений нормы части 1 статьи 32 Закона № 14-ФЗ следует, что любой участник общества (обладатель доли участия) имеет право участвовать, обсуждать и голосовать по вопросам повестки общего собрания участников общества и в данном случае можно отметить, что обладание долей участия предоставляет возможность осуществлять пропорциональный корпоративный контроль. Несколько иное положение вещей установлено частью 1 статьи 51 Закона об АО, в совокупности с положением Банка России от 16.11.2018 № 660-П «Об общих собраниях акционеров» которое предполагает список субъектов, наделенных правом участвовать в общем собрании, а также статьи 59 Закона 208-ФЗ, устанавливающей общий принцип голосования «одна голосующая акция общества - один голос». Так, для акционерных обществ будет неверным считать всякого собственника акций - обладателем права корпоративного контроля, что подтверждается правовой позицией изложенной в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 06.04.2010 № 17536/09 по делу № А51-11603/200844-328, согласно которой владельцы привилегированных акций не считаются лицами, обладающими корпоративным контролем.

Подводя итог, можно отметить, что относительно природы корпоративного контроля имеется устоявшаяся судебная практика подтвержденная научными исследованиями, отнесение свойства обладания корпоративным контролем к каждому участнику хозяйственного общества представляется обоснованным и соответствующим правовой природе долей участия, в то же время было бы ошибочно утверждать, что корпоративный контроль абсолютен по своей природе, так как на практике становится очевидным, что степень возможности влиять на принятие управленческих

решений различается у каждого участника общества, в связи с чем необходимой является наличие доктринального понятия преобладающего корпоративного контроля, иные подходы научных деятелей по сути своей следуют тем же началам, вместе с тем не учитывают, что даже обладание наименьшей долей участия предоставляют участнику определенную степень влияния на общество, а равно и не учитывают возможности объединения группы таких участников, например, миноритарных акционеров, в результате чего ничтожные по отдельности доли, в своей сумме приобретают значительное влияние на управленческие процессы протекающие в хозяйственном обществе.

Восстановления корпоративного контроля в системе способов защиты гражданских прав.

Восстановление корпоративного контроля уникальный специальный способ защиты корпоративных прав, сформированный российской судебной практикой в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 03.07.2008 № 1176/08, и впоследствии получивший нормативное закрепление в пункте 3 статьи 65.2 ГК РФ. Само по себе возникновение данного института обусловлено рядом факторов, к которым в частности относятся упоминаемые ранее включение корпоративных отношений в состав гражданских правоотношений, а также выделение корпоративного контроля как самостоятельной ценности, из чего логично возникла потребность в создании эффективного способа защиты от посягательств на корпоративный контроль.

До настоящего момента времени правовая природа восстановления корпоративного контроля представляется неопределенной, несмотря на то, что юридическое сообщество признает восстановление корпоративного контроля способом защиты прав, остается неясной степень самостоятельности такого способа, однородности его правовой природы.

Так, Шиткина И.С. отмечает, что восстановление корпоративного контроля представляет из себя не один способ, а набор универсальных способов защиты прав таких как признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, изменение или прекращение правоотношения, применение последствий недействительности ничтожной сделки и иных способов, варьирующихся в зависимости от конкретных обстоятельств дела [2.33]. В целом ряд деятелей науки, таких как Бойко Т.С., Сарбаш С.В. и некоторые другие солидарны с комплексной правовой природой восстановления корпоративного контроля, данная точка зрения подтверждается материалами судебной практики, в частности в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.04.2021 № Ф04-3005/2020 суд отметил, направленность спора на восстановление корпоративного контроля, хотя требование истца предполагает под собой признание недействительным решения общего собрания акционеров, признание недействительным дополнительного выпуска акций. В целом данная позиция указывает на универсальный характер рассматриваемой меры, подходящий для всех случаев утраты корпоративного контроля.

Однако существует и иная точка зрения, Хохлов В.А. отмечает, что восстановление корпоративного контроля может соотноситься с восстановлением положения существовавшего до правонарушения, однако обращает внимание на то, что и сама категория восстановление первоначального положения является спорной в юридической науке. При этом, по его мнению, нет оснований утверждать, что рассматриваемый способ защиты является комплексным, восстановление корпоративного контроля имеет место там, где иск содержит требование о возврате доли участия, в случае если применение других способов не принесет желаемого результата [2.30]. В остальных случаях, когда целью защиты права является возвращение утраченного блага, достаточно применения простой виндикации или

реституции и лишь тогда, когда общие гражданско-правовые способы защиты не могут достигнуть цели восстановления контроля надлежит необходимым применить рассматриваемый способ защиты. Сходной позиции придерживаются Божко М.П. и Галанцев Д.А. указывающие на то, что изначально восстановление корпоративного контроля было выработано судебными инстанциями как ответ на изменение доли участия [2.3]. При само по себе восстановление корпоративного контроля представляет из себя не изъятие доли участия других участников, а лишь ее уменьшение. В целом сторонники данного подхода придерживаются мнения о том, что восстановление корпоративного контроля является самостоятельным способом защиты права, применимым в ситуациях, когда использование иных способов защиты невозможно или нецелесообразно.

В свою очередь судебная практика исходит из того, что восстановление корпоративного контроля — это разновидность восстановления положения, существовавшего до нарушения права, а само по себе требование о восстановлении корпоративного контроля является предметом иска, который может быть, в том числе выявлен судом из существа обращения истца [3.10].

При этом, было бы ошибочно считать, что возврат доли участия автоматически восстанавливает утраченный корпоративный контроль. Несмотря на то, что именно доля участия в обществе позволяет участнику принимать управленческие решения и избирать состав исполнительных органов общества, нельзя забывать и о том, что за период, когда участник был незаконно лишен своей доли, могли произойти значительные изменения в корпорации как в управленческой, так и в экономической части. В связи с этим, для достижения действительной цели защиты нарушенного корпоративного права, необходимо произвести ряд самостоятельных действий, в свою очередь восстановление корпоративного контроля упрощает

этот процесс, позволяет применить несколько правовых мер в совокупности, а также обеспечить перераспределение долей участия.

Комплексный характер восстановления корпоративного контроля позволяет достигать различные по своему наполнению цели. В частности, возникновение института восстановления корпоративного контроля позволило разрешить проблему виндикации доли участия, так как доля участия является объектом гражданских правоотношений с которой как указывалось ранее и связывается возникновение корпоративного контроля, вместе с тем не является вещью в гражданско-правовом смысле, ввиду чего применение вещного способа защиты прав - виндикации, не представляется возможным. С течением времени были внесены изменения в законодательство, пунктом 17 статьи 21 Закона № 14-ФЗ фактически была регламентирована виндикация доли участия, однако восстановление корпоративного контроля не утратило своей актуальности.

По мнению автора, позиция о самостоятельности восстановления корпоративного контроля и его специальном характере является наиболее рациональной и обоснованной, в противном случае остается совершенно неясным для какие целей был введена новая правовая категория если она вбирает в себя по сути уже существующие способы защиты корпоративных прав, именно в специальном применении и возможности разрешить задачу требующую оперативного комплексного подхода (восстановление контроля над обществом) состоит главная ценность восстановления корпоративного контроля как способа защиты права.

Логично было бы отграничить те ситуации, в которых рассматриваемый способ защиты права является обоснованно необходимым, в связи с чем следует выделить условия для применения восстановления корпоративного контроля.

Так, указанный способ защиты следует применять, когда преследуется цель восстановить корпоративный контроль над обществом, вернуть

возможность влиять на принятие корпоративных решений. Решающим становится направленность интереса участника общества, которая может быть различной и предполагать, к примеру, лишь возвращения утраченного имущества с целью получения дивидендов, либо же разрешение корпоративного конфликта, не связанного с лишением участника корпоративного контроля. Важно отметить, что лишение доли участия должно произойти помимо воли участника, только тогда возможно требовать восстановления контроля. Так, в рамках дела А 51-9953/2019 Арбитражный суд Дальневосточного округа отметил, что в соответствии с правовой позицией Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении Президиума от 03.06.2008 № 1176/08, в области корпоративных отношений реализация такого способа защиты гражданских прав, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, выражается в виде присуждения истцу соответствующей доли участия в уставном капитале хозяйственного товарищества или общества, исходя из того, что он имеет право на такое участие в хозяйственном товариществе или обществе, которое он имел бы при соблюдении требований действующего законодательства, при этом требования о признании права на долю в уставном капитале общества в таких случаях следует расценивать как восстановление корпоративного контроля, и при неправомерном изменении состава участников общества, помимо их воли, права подлежат защите в соответствии с указанной нормой. Указанное согласуется с правовой позицией, выраженной в определении Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2020 № 307-ЭС20-2469.

Бойко Т.С. указывает, что восстановление корпоративного контроля является способом защиты, призванным бороться с неправомерным лишением участника хозяйственного общества доли в установленном капитале, осложненным последующей манипуляцией с уставным капиталом общества, в ситуации отсутствия тождества утраченной и новой доли [2.4]. Такая

позиция, вне всяких сомнений, должна быть поддержана, действительно использование комплексного специального метода в тех ситуациях, когда корпоративный контроль может быть восстановлен посредством простой виндикации доли участия представляется сомнительным и излишним, что не соответствует целям гражданского законодательства. Однако в ряде случаев, предусмотренный рассматриваемым институтом механизм перераспределения долей позволяет достигать действительно цели защиты права.

К сожалению действующее законодательство, а именно пункт 3 статьи 65.2 ГК РФ предполагает использование такого способа защиты при любой утрате участником своей доли вследствие неправомерных действий третьих лиц. Такой подход вызывает определенного рода сомнения, в необходимости восстановления корпоративного контроля как отдельного способа защиты прав, ведь использование его повсеместно, без жестких правовых рамок, в каждом судебном акте ведет к логичному вопросу о его необходимости как основания для применения комплекса защитных мер, при том что иной роли он не выполняет. Кроме того, суды квалифицируя предмет иска как иск о восстановлении корпоративного контроля применяют к нему срок исковой давности в три года, тогда как, например, требование об оспаривании решений общего собрания общества с ограниченной ответственностью заявляется в двухмесячный срок. Таким образом, особую ценность приобретает наличие критериев разграничения обычного способа защиты корпоративных прав от восстановления корпоративного контроля.

По мнению автора, верным является использование восстановления корпоративного контроля лишь в тех ситуациях, когда это действительно необходимо, имеется цель на восстановление возможности принятия корпоративных решений, лишение доли участника совершено против его воли, ситуация нарушения права является сложной и может быть разрешена лишь комплексным методом. В иных случаях достаточным является

использование гражданских и корпоративных способов защиты прав, предполагающих более простой порядок применения.

По убеждению автора, универсальность восстановления корпоративного контроля не должна заключаться в возможности защитить любое нарушенное право, проявление универсальности важно в ситуациях требующих комплексного подхода, когда формальное применение одного способа защиты не приведет к желаемому результату и данная позиция в целом соответствует изначальному замыслу, который прослеживается при введении рассматриваемого института высшими судами. Отношение к восстановлению корпоративного контроля как к цели законодательства в целом является конкурентной точкой зрения, вместе с тем, и при такой ситуации нельзя утверждать об отсутствии его защитной природы, а равно и об отсутствии необходимости его специального закрепления в общих положениях ГК РФ.

Институт справедливой компенсации, в рамках восстановления корпоративного контроля.

В силу того, что восстановление корпоративного контроля предполагает изменение размера долей участия, такой способ защиты при его применении будет неизбежно затрагивать права иных участников общества, в том числе и тех, кто никак не связан с лишением доли участия. Предполагая такие последствия, законодатель ввел в норму пункта 3 статьи 65.2. ГК РФ с указанием на то, что иные участники общества вправе требовать выплаты справедливой компенсации, определяемой судом, а в случаях невозможности возврата доли участия в силу того, что это приведет к несправедливому лишению иных лиц их прав участия или повлечет крайне негативный социальный и другие публично значимые последствия, такая компенсация выплачивается участнику, утратившему долю. Фактически данный механизм направлен на учет прав и законных интересов иных лиц с одной стороны, и на обеспечение достижения реальной цели защиты права с другой.

Несмотря на фактическую необходимость данной нормы нельзя признать ее в должной степени проработанной. Так использование термина «справедливый» само по себе предполагает осуществление оценочной деятельности со стороны суда по установлению конкретного размера компенсации с учетом всех обстоятельств дела. Обыденным явлением для ситуаций требующих абстрактной оценки со стороны суда, является формирование критериев такой оценки, изложенных в судебных актах высших судов или посредством разъяснения органом, принявшим отдельный нормативно-правовой акт.

Институт справедливой компенсации в свою очередь возник относительно недавно, ввиду чего еще не получил достаточного объема разъяснений, практика его применения не сформирована в полной мере. В то же время, нельзя утверждать, что использование такого термина как «справедливый» является законотворческой ошибкой, напротив конструкция оценочных понятий делает норму права более мобильной, применимой к широкому спектру ситуаций. Актуальным, однако, остается вопрос об определении размера такой компенсации, которая может быть определена как рыночная стоимость утраченной доли, как размер увеличения номинальной или реальной стоимости доли, за период, когда участник был лишен владения ей, а также и иными способами. В настоящий момент времени, суды решая вопрос о размере справедливой компенсации руководствуются правовой позицией, изложенной в постановлении Высшего Арбитражного Суда от 03.06.2008 № 1176/08, согласно которой приобретатель доли, лишившийся ее при удовлетворении иска о восстановлении корпоративного контроля вправе обратиться с требованием о компенсации понесенных им расходов в форме возврата неосновательного обогащения.

Такой подход позволяет утверждать о том, что судами избегается институт справедливой компенсации, применяются более проверенные, понятные нормы, что вряд ли может быть признано обоснованным

с теоретической точки зрения, конструкция неосновательного обогащения предполагает под собой отсутствие между сторонами каких либо отношений, а получение компенсации через неосновательное обогащение не может считаться юридической нормой, так как лицо восстановившее свою долю участия не обладает одним из обязательных критерием кондикционного обязательства - противоправности, хотя и преследует единую с компенсацией цель, восстановить нарушенное положение.

Остается неопределенным является ли добросовестность участника необходимым критерием для требования справедливой компенсации. Михальчук Ю.С. отмечает, что приобретатель доли должен доказать свою добросовестность, только после этого у него возникнет право требовать справедливую компенсацию, а сама компенсация, в свою очередь представляет из себя плату за надлежащее осуществление корпоративных прав и обязанностей. Леонтьев Н.В. выражая принципиальное несогласие с данной позицией отмечает, что буквальное толкование пункта 3 статьи 65.2 ГК РФ не делает различий между добросовестным и недобросовестным поведением участника, а факт добросовестности не включается в предмет доказывания по данной категории споров, вместе с тем отмечает, что в случае выявления недобросовестности участника в удовлетворении его требований должно быть отказано на основании статей 1, 10 ГК РФ. Такая позиция представляется обоснованной и рациональной так как предполагает в себе точное толкование законодательства и служит развитием идеи наличия самостоятельных последствий недобросовестности стороны спора.

Нормами действующего законодательства предусмотрена также ситуация, когда возврат доли невозможен в силу несправедливого лишения иных лиц их прав участия или крайне негативных социальных и иных публично значимых последствий, в результате чего уже истцу, в рамках требования о восстановлении корпоративного контроля, подлежит выплата справедливая компенсация. Формулировка данной нормы в отсутствие

разъяснений судебной практики представляется крайне неудачной, так предполагает под собой ряд оценочных понятий, которые по сути подменяют собой содержание нормы, ввиду чего представляется маловероятным, что применение данной нормы будет способствовать ее разъяснению и уточнению, напротив только разъяснив ее содержания судам, можно рассчитывать на то, что она будет применяться.

При этом такое разъяснение должно учитывать и тот аспект, что восстановление корпоративного контроля предполагает под собой полное перераспределение долей участия в обществе, в связи с чем многие участники получают эквивалентную первоначальной долю, вместе с тем, те участники кто приобрели свои доли участия в процессе дополнительной эмиссии получая эквивалентную долю не вернут себе денежные средства, которые были уплачены [3.9]. Необходимо ли возратить такие средства как неосновательное обогащение их получателя? Стоит ли обратиться к институту возмещения убытков в случае если установлена недобросовестность участника, лишившего доли участия, другого участника общества? На данные вопросы у науки и судебной практики пока нет ответа.

Кроме того, в разъяснении нуждается и вопрос об определении размера компенсации в обеих рассмотренных ситуациях, по мнению автора, целесообразно установить компенсацию в размере рыночной стоимости доли участия, что позволит учесть, как экономическую, так и управленческую составляющую доли.

Подводя итог вышесказанному стоит отметить, что в настоящий момент времени восстановление корпоративного контроля является одним из самых распространенных и эффективных специальных способов защиты корпоративных прав, вместе с тем необходимо отметить ряд перспектив для развития указанного способа защиты.

1. Как указывалось ранее мы можем наблюдать формирование полного понятийного аппарата в рассматриваемой сфере, в целом верное понимание

в теории и на практике явления корпоративного контроля и преобладающего корпоративного контроля позволяет эффективно разрешать корпоративные споры, опциональным представляется закрепление данных категорий в терминологическом аппарате гражданского законодательства. Сама по себе проработанность института вместе с тем, в контексте восстановления права не дает ответы на ряд вопросов. Когда корпоративный контроль считается утраченным? Можно ли при утрате 1% долей от 20% говорить об утрате корпоративного контроля в данной части? Приведет ли простая виндикация акции к его восстановлению?

2. Назначение восстановления корпоративного контроля напротив нельзя признать очевидным и проработанным. До настоящего момента времени остается неясным сфера применения иска о восстановлении корпоративного контроля в связи с чем целесообразно поставить на обсуждение вопрос о том, является ли восстановление корпоративного контроля способом защиты права? По мнению автора, лишь в процессе дальнейшей правоприменительной практики возможно дать ответ на ряд следующих вопросов: если восстановление первоначального положения не способ защиты права, но принцип гражданского права, возможно ли утверждать, что и восстановление корпоративного контроля лишь принцип защиты права, но не способ? Если же восстановление корпоративного контроля это способ защиты, то является ли он универсальным или специальным способом защиты корпоративных прав?

3. Институт справедливой компенсации не урегулирован в достаточной мере. Сейчас невозможно определить критерии для его применения, не ясна его правовая природа и отличия от институтов взыскания убытков и неосновательного обогащения, в таких обстоятельствах нет оснований полагать, что критерии возникнут стихийно в процессе правоприменения. Указанная проблема наличия множества оценочных категорий должна быть решена посредством официального толкования нормы права.

ИСКЛЮЧЕНИЕ УЧАСТНИКА ОБЩЕСТВА

Назначение и содержание исключения участника общества.

Норма об исключении участника общества достигла пика своего развития еще в 2014 году, когда данный способ защиты был введен в состав гражданского законодательства в статье 67 ГК РФ, в качестве права участника общества. До этого момента исключение участника было регламентировано лишь специальными законодательными нормами такими как статья 10 Закона № 14-ФЗ и статья 10 федерального закона от 01 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» предусматривающими судебный и внесудебный способы исключения участника. В рамках настоящего исследования нас интересуют нормы, относящиеся к хозяйственным обществам.

В настоящее время остается неразрешенным вопрос о правовой природе исключения участника общества, согласно первому подходу отраженному в пункте 28 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 8 от 1.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» право на исключение участника из состава общества является одним из прав присущих участникам общества как сторонам учредительного договора, имеет договорную природу, а его основания могут предусматриваться учредительными документами общества. В поддержку данной позиции высказывается Кузнецов А.А. указывая, что исключение участника это разновидность расторжения договора [2.18], с чем очередь соглашается Цепов Г.В. отмечая, что корпоративные правоотношения это относительные отношения, субъектами которого являются участник и общество, а объектом имущество общества, из чего, ссылаясь на положения пункта 3 статьи 307.1. ГК РФ делает вывод о допустимости применения к корпоративным отношениям правил об обязательствах, в части не противоречащей их существу [2.32].

Иной точки зрения придерживается Гутников О.В. считающий, что исключение участника это форма ответственности участника перед обществом за совершение корпоративного правонарушения, при этом указывая на значительное сходство расторжения договора (подпункт 1, пункта 2, статьи 450 ГК РФ) и нарушения корпоративной обязанности (пункт 4, статьи 65.2. ГК РФ), основанием исключения может быть нарушение фидуциарных обязанностей действовать добросовестно и разумно, а также не причинять вред другим участникам корпоративных отношений, установленных не только в отношении общества, но и в отношении других участников [2.7]. По мнению автора, целесообразным представляется вторая точка зрения в силу следующего.

Позиция, выраженная высшими судами, по своей сути, во многом устарела и предполагает передачу в распоряжение участником общества излишний объем полномочий в отношении друг друга. Исключение участника по своей правовой природе представляет высшую меру корпоративной ответственности, принудительный разрыв связи с корпорацией влечет за собой значительные материальные и нематериальные лишения, а сам по себе такой способ защиты, о чем указано далее, представляет из себя исключительную форму защиты права и не может применяться в любой ситуации где имеет место корпоративный конфликт. Таким образом, несмотря на то, что в действующем законодательстве исключение участника из общества буквально выражается как право участника, данную норму следует толковать в контексте права на защиту корпоративных прав, как способ защиты корпоративного права.

Некоторые ученые выражают несогласие с тем, что исключение участника — это форма корпоративной ответственности, Ломакин Д.В. указывает на отсутствие одного из существенных признаков гражданско-правовой ответственности - имущественного обременения, и полагает, что последствия исключения участника нивелируются существующими нормами

о выплате действительной стоимости доли [2.20, с.431-432]. Однако с данной позицией трудно согласится, в силу того, что прямым следствием исключения участника является утрата правовой связи с обществом, а также ряд следующих из этого последствий, такие как необходимость создания новых организационных форм для деятельности, утрата репутации в предпринимательской сфере, ведь исключенный участник больше не сможет осуществлять свою деятельность под принадлежащими обществу средствами индивидуализации, утрата возможности использовать ряд технологий и ноу-хау принадлежащих обществу, кроме того оценка доли не дает гарантий отсутствия убытков, в связи с чем стоит согласится с судебной практикой которая следует по пути признания исключения участника крайней мерой правового воздействия.

Исключение участника из общества по сути представляет из себя институт, находящийся на стыке корпоративной ответственность и мер защиты. Как известно, способы защиты предполагают прежде всего достижение цели гражданского законодательства - восстановления нарушенного права, в то время как меры ответственности предполагают не только восстановление права, но и наложение неблагоприятных санкций на нарушителей. С этой точки зрения исключение участника занимает совершенно особенную позицию, по сути отвечая и цели дисциплинирования участников и цели восстановления нарушенного права.

Действующее закрепление исключения участника в качестве одного из прав присущих участнику общества в целом не противоречит его правовой природе, однако и не охватывает ее в целом. За таким правом кроется способ противодействия ряду опасных явлений в корпоративном праве, а цели данного института, как и было указано ранее, образуют двоякую правовую природу. Логично предположить, что дальнейшее развитие гражданского законодательства должно быть направлено в сторону уточнения рассматриваемого института с включением его в отдельную статью ГК РФ,

с указанием на его двоякую правовую природу как способа защиты, так и меры ответственности.

Основания исключения участника общества.

Как указывалось ранее, исключение участника представляет из себя исключительный способ защиты корпоративных прав, а равно и меру ответственности за нарушение корпоративных обязанностей, ввиду чего необходимо обратить внимание на те обстоятельства, когда его применение необходимо, и в то же время отграничить обстоятельства, когда такое средство воздействия избыточно.

Согласно положениям действующего законодательства, исключение участника — это право, которым обладают все участники и которое может быть реализовано в случаях если исключаемым участником причинен существенный вред обществу, либо совершены действия иным способом затрудняющие его деятельность и достижение уставных целей, в том числе посредством грубого нарушения своих корпоративных обязанностей. Каждое из данных оснований заслуживает подробного рассмотрения и обоснования.

Под существенным вредом, причиненным обществу, понимается в основном злоупотребление своими корпоративными правами которое привело к тому что обществу причинен вред, например, пунктом 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» установлено, что основанием исключения участника может быть в том, числе заключение крупной сделки или сделки с заинтересованностью в ущерб интересам общества. Интересным аспектом выступает возможность устранения такого вреда, ведь как указывалось ранее исключение участника — это исключительная мера, подлежащая применению если устранение нарушения права другим способом невозможно.

В судебной практике относительно данного вопроса сложилась противоречивая судебная практика, пунктом 9 обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2019, установлено, что достаточным основанием для исключения участника является сам факт причинения существенного ущерба обществу, при этом устранимость последствий действий участника не влияет на возможность его исключения.

Вместе с тем в ряде судебных постановлений, таких как постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.05.2016 № Ф04-1006/2016 по делу № А75-7327/2015, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19.04.2019 № Ф06-45805/2019 по делу № А06-10191/2017, определение ВАС РФ от 20.02.2012 № ВАС-1159/12 по делу № А14-11423/2010/272/20 и многих других, суды пришли к убеждению о том, что исключение участника из общества является крайней мерой, связанной с лишением лица права собственности на долю в уставном капитале общества. Такая мера может быть применена только в том случае, когда последствия действий участника не могут быть устранены без его исключения из общества.

По мнению автора, наиболее верной является вторая позиция, которая учитывает исключительный характер рассматриваемой меры, препятствует ее чрезмерному использованию и стимулирует стороны к использованию менее радикальных способов защиты права. При этом такая позиция не создает препятствий в исключении участника в тех случаях где это необходимо, а также способствует сохранению субъектов предпринимательства.

Затруднение деятельности общества и неисполнение своих корпоративных обязанностей по сути являются разновидностями злоупотребления правом, цель такого поведения может быть различной, однако почти всегда она влечет за собой причинение вреда обществу, в этом

смысле все указываемые нами термины похожи друг на друга выступая как средством, так и целью поведения участника-нарушителя, в подтверждение этой позиции говорит тот, факт, что судебными актами сформировано понимание обязанности участника общества не причинять ему вред. Во многом перечень такого рода злоупотреблений формируется судебной практикой в процессе правоприменительной деятельности.

Один из наиболее ярких примеров затруднения деятельности общества — это систематическое уклонение от участия в общих собраниях, что создает ситуацию, при которой принятие важных управленческих решений становится фактически невозможным. Вместе с тем сложность в применении данного основания исключения участника из общества заключается в критерии «системности».

Общепринятым в юридической среде считается мнение о том, что два и более случая создают систему, так и относительно исключения участника такая позиция поддержана в постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 04.09.2018 № Ф10-3433/2018 по делу № А83-16602/2017, постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.03.2012 по делу № А45-10224/2011. Противники данной позиции напротив указывают на то, что два случая неучастия в общем собрании не наделяют участника критерием системности, такой позиции придерживаются в постановлении Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10.01.2008 по делу № А43-32220/2006-5-720.

Вне всяких сомнений критерий системности может быть привязан к различному количеству совершенных действий, по мнению автора здесь важнее не количество, которое в итоге будет избрано судами, а скорее единство правовой системы в вопросе системности нарушения права, ввиду чего представляется банально необходимым поддержать наиболее распространенную практику, с целью единства толкования норм законодательства. Дискуссия о количестве нарушений не служит цели

развития прав, в конечном итоге направлена на философский спор относительно явления системы как таковой.

Данный пример отнюдь не является единственной формой злоупотребления корпоративными правами, однако указывает на существующую глобальную правовую проблему несистематизированности норм корпоративного права и отсутствия единой правовой практики их применения, в соответствии с пунктом 35 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», к нарушениям корпоративных прав служащих основанием для исключения участника относится систематическое уклонение без уважительных причин от участия в общем собрании участников общества, лишаящее общество возможности принимать значимые хозяйственные решения по вопросам повестки дня общего собрания участников, если непринятие таких решений причиняет существенный вред обществу и (или) делает его деятельность невозможной либо существенно ее затрудняет; совершение участником действий, противоречащих интересам общества, в том числе при выполнении функций единоличного исполнительного органа (например, причинение значительного ущерба имуществу общества, недобросовестное совершение сделки в ущерб интересам общества, экономически необоснованное увольнение всех работников, осуществление конкурирующей деятельности, голосование за одобрение заведомо убыточной сделки), если эти действия причинили обществу существенный вред и (или) сделали невозможной деятельность общества либо существенно ее затруднили.

Немаловажным в контексте природы корпоративных прав является вопрос о возможности исключения участника по основаниям, согласованным в договоре между участниками общества. Еще на заре возникновения практики исключения участника высшими судами в пункте 28 Постановления

Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 8 от 01 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», было отражено, что исключение участника является изменением условия договора, фактически его расторжением, которое может быть осуществлено при нарушении участником условий учредительного договора, а сами основания могут быть в нем указаны. И действительно, определенные сходства в рассматриваемых отношениях имеются, ведь как исключение участника так и расторжение договора подразумевают под собой прекращение правовой связи, несение неблагоприятных последствий. Такой подход был признан устаревшим и с принятием статьи 2 ГК РФ утратил свою актуальность, вместе с тем представляет интерес законодательная мысль в отношении включения корпоративного права в состав гражданского права.

Вместо того, чтобы применить, казалось бы, самый логичный подход и привести корпоративное законодательство к полному соответствию с гражданским, законодатель еще 20 лет назад принял решение обособить корпоративное право, что, несомненно, является верным решением.

При том что корпоративное законодательство является частью гражданского, а общие принципы гражданского права применимыми и к корпоративным правоотношениям, применение действующих основополагающих начал и принципов к корпоративно-правовым отношениям попросту невозможно, так как ранее нами уже указывалось на то, что корпоративные отношения обладают своей уникальностью и ряд гражданско-правовых принципов на них не действуют, либо имеют иной характер действия. Исключение участника в контексте объединения отраслей права представляется ярким примером этого и в то же время проявлением специфичности корпоративного права.

До настоящего времени не сложилось однозначной позиции по вопросу влияния размера доли на возможность исключения участника. Не так давно судебной практикой был выражен новый подход в отношении исключения участника при равенстве долей. Так в определениях Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2016 г. № 305-ЭС15-2706; от 29 ноября 2016 г. № 309-ЭС16-15641, суд указал на возможность исключения участника, обладающего 50% долей. Относительно вопроса об исключении мажоритарного участника, Верховный суд РФ отметил что такое исключение допускается, при этом не поддержал достаточно распространенную позицию о том, что в случае такого конфликта миноритарный участник имеет право на выход из состава общества [3.12].

На возможность исключения мажоритарного участника указано и в пункте 8 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 декабря 2019 г. Кроме того, в пункте 7 данного Обзора отмечено, что наличие корпоративного конфликта, а также равное распределение долей между сторонами корпоративного конфликта не являются основаниями для отказа в иске об исключении участника из общества, а в пункте 9 - что возможность исключения участника не зависит от того, могут ли быть последствия действий (бездействия) участника устранены без лишения нарушителя возможности участвовать в управлении обществом.

Все это свидетельствует о стремлении судебной практики к обеспечению равенства прав участников обществ, вне зависимости от их экономического или управленческого положения.

Как итог, на данный момент времени исключение участника представляет из себя специальный способ защиты и меры ответственности участника, достаточно активно применяемую для защиты нарушенных корпоративных прав. Происходящий процесс формирования оснований

для его применения, в целом, можно назвать успешным, соответствующим основным принципам гражданского законодательства, в особенности принципам равенства и добросовестности, наблюдается положительная тенденция к тому чтобы считать рассматриваемую меру исключительно и избегать ее повсеместного применения.

Выплата действительной стоимости доли.

В силу того, что статус участника общества связан с владением определенном объемом долей участия (акций), неизбежным последствием исключения участника является прекращения факта владения долями.

Однако помимо разрыва связи между участником и обществом необходимо осуществить выплату действительной стоимости доли участия, вместе с тем действующим законодательством порядок ее определения не предусмотрен.

Существует три подхода к определению действительной стоимости доли участия.

Согласно первому подходу определение действительной стоимости доли осуществляется как часть стоимости чистых активов общества, пропорциональный размеру доли, исходя из сведений, имеющих в бухгалтерской отчетности общества за последний отчетный период, предшествовавший исключению участника. Изложенный подход, в частности отражен в абзаце 2 пункта 2 статьи 14, пункте 4 статьи 23 Закона № 14-ФЗ

Согласно пунктов 4, 5, 6 Приказа Минфина России от 28 августа 2014 г. № 84н стоимость чистых активов определяется как разность между величиной принимаемых к расчету активов организации (за исключением дебиторской задолженности учредителей по взносам (вкладам) в уставный капитал) и величиной принимаемых к расчету обязательств организации (за исключением доходов будущих периодов, признанных организацией в связи с получением государственной помощи, а также в связи

с безвозмездным получением имущества). Объекты бухгалтерского учета, учитываемые организацией на забалансовых счетах, при определении стоимости чистых активов к расчету не принимаются.

Иной подход предполагает, что стоимость доли определяется аналогично порядку, установленному пунктом 3 статьи 75 Закона № 208-ФЗ согласно которому стоимость доли для целей выкупа акций по требованию акционера устанавливается советом директоров, но не ниже рыночной стоимости определенной оценщиком, в судебной практике такая позиция была в рамках ряда дел.

Третий подход отчасти аналогичен предыдущему, предполагает привлечение профессионального оценщика в целях определения стоимости действительной стоимости доли участия исключаемого участника общества. При этом как следует из разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в определении от 10 сентября 2015 г. № 308-ЭС15-10351, под стоимостью имущества понимается его реальная рыночная стоимость, а понятия рыночная стоимость и действительная стоимость синонимичны и совпадают по содержанию.

Такой подход представляется наиболее целесообразным, позволяет избежать возможных неточностей, отраженных в бухгалтерской отчетности, проявляется большую мобильность по отношению к рыночным условиям, ведь оценщик в своей деятельности будет использовать наиболее актуальные рыночные данные, а также исключает заинтересованность при проведении оценки, что особенно актуально для исключения участника, когда мы имеем дело с предполагаемым корпоративным конфликтом.

Неясным представляется и обороноспособность рассматриваемой категории, невозможно установить может ли такое право быть передано посредством уступки, является ли такое требование неразрывно связанным с личностью должника, учитывая то, что, когда мы говорим об исключении

участника предполагается конкретно-определенный субъект действиям которого дается оценка.

В контексте принципа свободы договора не ясно могут ли участники общества изначально урегулировать порядок определения действительной стоимости доли либо же установить твердую стоимость доли.

Таким образом правовая связь выплаты стоимости доли с общими положениями гражданского права об обязательствах остается неопределенной.

Нередко, возникает ситуация, когда общество из которого был исключен участник уклоняется от выплаты ему действительной стоимости доли, в таком случае, уже у «нарушителя» возникает необходимость в защите своего нарушенного права.

Такое уклонение может выражаться в умышленном создании ситуации неблагоприятного финансового положения, приводящего впоследствии к банкротству, при таких обстоятельствах исключенный участник имеет право обратиться с иском о признании таких сделок недействительными на основании того, что они совершены с намерением причинить вред другому лицу.

Особого внимания заслуживает судебная практика по взысканию бывшим участником убытков, возникших в связи с невыплатой действительной стоимости доли, с руководителя общества-должника, в рамках дела А56-59760/2014, суды пришли к единому выводу о том, что в случае неисполнение обществом денежного обязательства по вине его руководителя, если юридическое лицо исключено из ЕГРЮЛ по любым основаниям, то обязанность возместить убытки может быть возложена на бывшего руководителя при доказанности совокупности условий гражданско-правовой ответственности причинителя вреда.

В целом вопрос выплаты действительной стоимости доли сейчас недостаточно точно описан законодательством, прослеживается явная необходимость разъяснения порядка определения стоимости доли,

взаимодействия основных принципов и положений гражданского права с выплатой доли, широко обсуждения с научной точки зрения заслуживает ситуация отказа общества в выплате действительной стоимости доли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время корпоративное право находится в стадии активного развития, обмена наработанными практикой применения правовых норм с гражданским законодательством с целью формирования, с одной стороны единых подходов к защите прав субъектов гражданского законодательства, а с другой специальных принципов и правил защиты участников корпоративных отношений, которые могли бы разрешать ряд сложных ситуаций возникающих в сфере корпоративных отношений. Представляется логичным распространение пандектной структуры гражданского кодекса и на корпоративные права, что прежде всего должно быть выражено в формировании основных положений о корпоративных правах, их составляющих и значении корпоративного права в субъективном смысле.

Никогда не утрачивает и лишь приобретает актуальность институт защиты корпоративных прав, само по себе развитие рынка и общества, как в пределах отдельно взятого государства, так и в целом мире, способствует все большему усложнению отношений между субъектами предпринимательства.

Как совершенно верно отмечает Суханов Е.А. , основное предназначение корпоративного законодательства кроется как раз таки в охране и защите от посягательств на права более слабых субъектов, именно корпоративные отношения в силу своей сложности и многообразности, а также в силу того, что они представляют большой интерес для экономически сильных субъектов, демонстрируют юридическому сообществу насущную необходимость в формировании эффективных правовых методов воздействия на нарушителя, которое бы нивелировало его экономическую силу и понуждало к добросовестности в отношениях с иными участниками, к поиску компромиссов и законных решений в вопросе принятия управленческих решений, корпоративное право после его включения в состав гражданского законодательства приобрело максимально широкие возможности для этого.

Одной из основных тенденций развития гражданского законодательства на данном этапе исторического развития должна стать его адаптация к корпоративным правоотношениям, институт защиты права должен приобрести специальные положения, посвященные защите корпоративных прав, которые позволяли бы эффективно их применять, в то же время, не опасаясь ошибок в правоприменении и еще большего нарушения прав. Один из основополагающих принципов гражданских правоотношений - принцип добросовестности, необходимо проработать и для корпоративных отношений, которые столь сильно нуждаются в этом и несут имущественные потери и поражение в правах, во многом из-за желания недобросовестных субъектов злоупотребить своим властным ресурсом, экономическим положением или правовым статусом.

Рассматриваемые в настоящей работе институты защиты корпоративных прав не являются исчерпывающими, вместе с тем представляют из себя наиболее эффективные правовые конструкции.

Восстановление корпоративного контроля в любом случае выступает одним из важнейших категорий российского корпоративного права, вместе с тем на данном этапе своего развития правовой институт приобрел некую неопределенность, изначально создаваемый институт комплексной защиты права сейчас приобрел широкую распространенность, а иногда толкуется как проявление основополагающего начала гражданского права - восстановления нарушенного права, ряд его механизмов в части основания применения и последствий использования нуждается в систематизации и дефинициях, а механизм справедливой компенсации, к сожалению, пока что имеет скорее декларативный характер и не демонстрирует заложенного в него потенциала. Закрепление категорий корпоративный контроль, преобладающий корпоративный контроль, восстановление корпоративного контроля создаст необходимую базу для правоприменения, тем более что часть этих терминов уже сформирована судами и отвечает целям законодательства.

В последующем стоит надеяться, что значительную переработку ждет институт справедливой компенсации.

Исключение участника напротив способ, который допустимо применять не в каждой ситуации конфликта. Судебная практика и законодатель придерживаются, безусловно, правильной позиции отмечая экстренный и исключительный характер такой нормы. Двоякая природа исключения участника представляется оправданной как с точки зрения практики, так и с научной точки зрения, в то же время обоснованно усложняя ее применение. Исключению участника также недостает того же что и отмечалось ранее, понятного и четкого терминологического аппарата, выражения его как меры защиты и ответственность, а не только как права стороны. Указание на такое право легко может быть исключено из гражданского кодекса посредством его разделения на институт защиты и ответственности, а также на общее положение о праве на защиту корпоративных прав, что будет способствовать скорейшему формированию всей отрасли корпоративного права в соответствии с существующей правовой традицией, отраженной в гражданском кодексе.

Оба способа защиты в равной мере страдают недостатком правового регулирования в отношении их поединств, таких как выплата справедливой компенсации и действительной стоимости доли, которые во многом представляются сходными и имеют в своей основе компенсаторные начала, свойственные гражданскому праву.

В итоге, корпоративное право, несмотря на отраженные правовые проблемы, в перспективе переживает пик своего развития, нельзя утверждать что процесс слияния корпоративного и гражданского законодательства завершился, однако намечены пути развития такой интеграции, итогом которой неизбежно станет формирование более упорядоченной и справедливой правовой реальности в сфере предпринимательских отношений, в такое время практикам и деятелям науки как никогда важно

обратиться к основополагающим началам и принципам гражданского и корпоративного права, взглянуть на них по новому в их взаимосвязи и уникальности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нормативные правовые акты

- 1.1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ по сост. на 12 мая 2020 // Собрание законодательства РФ. – 1994. - № 32. - ст. 3301.
- 1.2. Об обществах с ограниченной ответственностью: федеральный закон от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ по сост. на 7 апреля 2020 // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 7. - ст. 785.
- 1.3. Об акционерных обществах: федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ по сост. на 20 июля 2020 // Собрание законодательства РФ. – 1996. - № 1. - ст. 1.
- 1.4. Об общих собраниях акционеров: Положение Банка России от 16 ноября 2018 г. № 660-П // Вестник Банка России. - № 3. - 22.01.2019.
- 1.5. Приказа Минфина России от 28 августа 2014 г. № 84н // Российская газета. - № 244. - 24.10.2014.

2. Научная литература

- 2.1. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты // Ю.Н. Андреев, М.: Норма - Инфра-М - 2010. - 464 с.
- 2.2. Андреев В. К., Корпоративное право современной России: монография // В. К. Андреев., В. А. Лаптев, М.: Проспект. - 2017. - 352 с.
- 2.3. Божко М.П., Галанцев Д.А. Семь уроков корпоративных конфликтов // М.П. Божко, М.: Проспект. - 2018. - 96 с.
- 2.4. Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. // Т.С. Бойко, М.: Статут. - 2019. - 255 с.
- 2.5. Бирюков Д.О. До минор: реквием для миноритариев в мажорной тональности // Д.О. Бирюков. – Москва : Статут. 2020. – 300 с.
- 2.6. Власова А.С. Самозащита в корпоративных правоотношениях. // А.С. Власова. Гражданское право. - 2016. - 17-20 с.

- 2.7. Гутников О.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // О.В. Гутников, Вестник гражданского права. - 2014. - № 6. С. 51 - 117.
- 2.8. Кулагин М.И. Избранные труды по акционерному и торговому праву // М.И. Кулагин. Москва: Статут. - 2004. - 363 с.
- 2.9. Долинская В. В. Проблемы взаимодействия деликтного права и права корпораций // В. В. Долинская, Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. № 9.
- 2.10. Ерахтина О.С. Судебная защита прав участников общества с ограниченной ответственностью при утрате и восстановлении корпоративного контроля // О.С. Ерахтина, Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. № 3.
- 2.11. Зотова Е.К. Пределы использования иска о восстановлении корпоративного контроля// Е.К. Зотова, Вестник гражданского права. - 2019. – № 3.
- 2.12. Измайлова Е.В. Защита гражданских прав: подходы к пониманию // Е.В. Измайлова, Пролог: журнал о праве. - 2018. №2.
- 2.13. Илларионова Т.И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер // И.Т. Илларионова, Свердловск. - 1980. - 76 с.
- 2.14. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.). // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. - 2009 г. – № 11. Доступ из СПС «Гарант».
- 2.15. Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения // О.А. Красавчиков. - Советское государство и право. - 1966. - № 10. - С. 50.
- 2.16. Красавчиков О.А. Советское гражданское право: учеб.: в 2 т. // О.А. Красавчиков. М. - 1985. - Т. 1. - 544 с.

- 2.17. Крылов В.Г. Практические аспекты реализации некоторых прав миноритарными акционерами непубличных акционерных обществ // В.Г. Крылов, Гражданское право. 2019. - № 1.
- 2.18. Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. // А.А. Кузнецов М.: Статут. - 2014. - 141 с.
- 2.19. Леонтьев Н.В. Проблемы применения статьи 65.2 Гражданского кодекса России в контексте восстановления корпоративного контроля // Н.В. Леонтьев, Законы России: опыт, анализ, практика». – 2019. - № 1.
- 2.20. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах // Д.В. Ломакин. Москва: Статут - 2008. - 511 с.
- 2.21. Мейер Д.И. Русское гражданское право. // Д.И. Мейер, Т. 1. – М. - 1997.
- 2.22. Михайлова Е.В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные) // Е.В. Михайлова, М - 2013. - 400 с.
- 2.23. Сеницын С.А. Корпоративные правоотношения: содержание и особенности регулирования // С. А. Сеницын, Журнал российского права. - 2015. - №6 (222). Доступ из: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnye-pravoотношения-soderzhanie-i-osobennosti-regulirovaniya> (дата обращения: 25.07.2020).
- 2.24. Сеницын С.А. Место корпоративного права в системе частного права // С.А. Сеницын, Законодательство. - №3. – 2015.
- 2.25. Сеницын С.А. Деликтная ответственность в корпоративном праве // С.А. Сеницын, Журнал российского права. - 2019. - №10.
- 2.26. Суханов Е.А. Гражданское право: Общая часть 3-е изд. Перераб. и доп. // Е.А. Суханов. - М.: Волтерс Клувер - 2006. - 720 с.
- 2.27. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. // Е.А. Суханов. - М.: Статут - 2014. - 456 с.

- 2.28. Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. // С.Ю. Филиппова, М.: Статут. - 2013. - 350 с.
- 2.29. Филиппова С.Ю. Охрана и защита прав участников коммерческой корпорации. // С.Ю. Филиппова, Хозяйство и право. - №5. - 2016.
- 2.30. Хохлов В.А. О восстановлении корпоративного контроля // В.А. Хохлов, Журнал предпринимательского и корпоративного права. - 2016. - № 4. - с. 9 - 14.
- 2.31. Чуфарова М.В. О понятии корпорации и правовой природе корпоративных правоотношений // М.В. Чуфарова, Бизнес, менеджмент и право. - 2011. - № 2. - С. 161 – 166. Доступ из: http://bmpravo.ru/show_stat.php?stat=849 (дата обращения 25.07.2020).
- 2.32. Цепов Г.В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью как принудительное расторжение «корпоративного контракта» // Г.В. Цепов, Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2017. - № 10. - С. 96-113.
- 2.33. Шиткина И.С. Корпоративное право: Учебник //И.С. Шиткина. – М.: Статут. – 2019. 735 с.

3. Материалы судебной практики

- 3.1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 8. – 2018.
- 3.2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 8. – 2015.
- 3.3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части

первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 9. – 1996. - № 5. - 1997.

- 3.4. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.12.2019 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 5. – 2020.
- 3.5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.02.2014 № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 19 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Фирма Рейтинг» // Вестник Конституционного Суда РФ. - № 3. – 2014.
- 3.6. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.07.2012 № 1944/12 по делу № А55-11353/2010 // Вестник ВАС РФ. - 2012. - № 11.
- 3.7. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 06.04.2010 № 17536/09 по делу № А51-11603/200844-328 // Вестник ВАС РФ. – 2010. - № 7.
- 3.8. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.11.2009 г. № 11458/09 по делу № А40-54601/08-83-596 // Вестник ВАС РФ. - 2010. - № 2.
- 3.9. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 03.07.2008 № 1176/08. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Гарант».
- 3.10. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 03.06.2008 № 1176/08 по делу № А14-14857/2004-571/21 // Вестник ВАС РФ. - 2008. - № 10.

- 3.11. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2020 № 307-ЭС20-2469 по делу № А56-122064/2018 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- 3.12. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.09.2019 № 304-ЭС19-13210 по делу № А81-1339/2018 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- 3.13. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.05.2018 № 302-ЭС17-17038 по делу № А19-17165/2016 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- 3.14. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.11.2017 № 305-ЭС17-17897 по делу № А40-198749/2016 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- 3.15. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2017 по делу № 309-ЭС14-923 по делу А07-12937/2012 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- 3.16. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 309-ЭС16-15641 по делу № А60-55571/2015 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- 3.17. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2016 № 305-ЭС15-2706 по делу № А40-56632/14 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- 3.18. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.09.2015 № 308-ЭС15-10351 по делу № А32-16819/2014 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- 3.19. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 03.10.2012 № ВАС-8989/12 по делу № А28-5775/2011-223/12 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

- 3.20. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 19.07.2012 № ВАС-6936/12 по делу № А51-12302/2011 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- 3.21. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20.02.2012 № ВАС-1159/12 по делу № А14-11423/2010/272/20 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- 3.22. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.04.2021 № А45-35252/2019 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- 3.23. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 09.10.2020 № А51-9953/2019 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- 3.24. Постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 04.09.2018 № А83-16602/2017 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- 3.25. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19.04.2019 № А06-10191/2017 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- 3.26. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.05.2016 № А75-7327/2015 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- 3.27. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.03.2012 № А45-10224/2011 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- 3.28. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10.01.2008 № А43-32220/2006-5-720 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».